

Особенности освещения русско-японской войны 1904–1905 гг. на страницах дальневосточной прессы

© 2016

М.А. Бордаков

В статье раскрываются особенности освещения русско-японской войны 1904–1905 гг. на страницах газет и журналов, выходивших в тылу международного конфликта, в котором Россия играла ключевую роль. Указывается на то, что население восточных регионов империи не относилось к японской агрессии как «к желтой опасности», а зачастую о восточном соседе журналисты и общественность отзывались с уважением и в более сдержанных тонах, чем в остальной России. В этом принципиальное отличие в подаче информации о русско-японском конфликте дальневосточных газет от печатных изданий остальных российских губерний.

Ключевые слова: цензура, русско-японская война, образ японцев, пропаганда, дальневосточная печать

В начале XX в. российский Дальний Восток превращается в центр международной политики. Апогеем противостояния двух морских держав — России и Японии становится полномасштабный конфликт, причем не только вооруженный, но и информационный. Печатное слово становится мощным орудием пропаганды в руках высшей власти, политиков, военных, губернаторов и т. д. Непопулярную войну пытались сделать «народной», прибегая при этом к самым различным способам влияния на общественное сознание.

Основу информационного обеспечения жителей Приамурского края сведениями о русско-японской войне составляли столичные и местные газеты. Информацию о конфликте население российского региона, находящегося ближе всего к боевым действиям, получало также непосредственно от участников военных событий. Письма, телеграммы, открытки, общение во время побывок и отпусков солдат и офицеров — все это содержало сведения о войне. Однако массовым источником информации для жителей Дальнего Востока оставались, конечно, газеты. Учитывая, что местные издательства не имели на фронте собственных корреспондентов, редакциям самостоятельно приходилось заниматься сбором и обработкой огромного потока информации, который стекался из районов боевых действий.

Интерес местного населения к событиям войны, без преувеличения, был огромен, но анализ содержания дальневосточных газет показывает, что информации, касающейся главного на тот момент мирового события, происходящего в непосредственной близости, жители дальневосточных городов получали крайне мало.

Тематику публикаций, так или иначе посвященных военному конфликту, можно разделить на две группы. Первая касается информации, где авторы рассказывают о напряженной обстановке на политической арене России и всего мира, о дипломатической стороне вопроса. В таких статьях, с одной стороны, анализируются причины начала войны, осуждается агрессия малоизвестного противника, с другой — объясняется необходимость защиты интересов России.

Вторая группа статей рассказывает о финансово-организационных изменениях двух армий: о состоянии флота, об отдельных и принципиально важных боях, о ранениях солдат, о жизни в плену и т.п.

В отдельную группу следует выделить статьи о влиянии войны на жизнь в тылу. Именно эта категория публикаций служит источником материала для изучения общественного сознания и так называемой локальной истории. Из таких заметок мы узнаем об отношении людей к врагу, об изменении привычной жизни в провинции в связи с началом военных действий, здесь находим и истории из повседневной жизни россиян.

Автор ставит перед собой задачу определить частоту появления на страницах изучаемой прессы информации, прямо или косвенно связанной с русско-японской войной (основываясь на группах публикаций, указанных ниже); понять особенности восприятия жителями Дальнего Востока образа японцев и Японии как врагов Отечества.

Источниками для анализа стали статьи из трех региональных газет, выходивших в начале XX в. в самых крупных городах Дальнего Востока: «Дальний Восток» (Владивосток), «Амурский край» (Благовещенск) и «Никольск-уссурийский листок» (Никольск-Уссурийский). Выбор этих изданий обусловлен тем, что газеты выходили в трех крупнейших городах региона и считались наиболее влиятельными изданиями. Их редакции придерживались разного направления, от монархического до прогрессивно-либерального¹, и выражали мнение разных социальных слоев. Эти газеты выходили в 1904–1905 гг., то есть в их публикациях отражен весь период военных действий на Дальнем Востоке. К сожалению, большой проблемой является отсутствие в архивах и библиотеках полного комплекта изучаемых газет за 1904 и 1905 гг.

Минимальное число публикаций, позволяющее получить достоверные статистические результаты, определено исследователем в количестве 500, обработано 10 номеров дальневосточных газет за 1904 г.

Контент-анализ периодики Приамурского края позволяет убедиться, что поток информации, который ежедневно поступал к читателям, не давал ясного представления о русско-японском конфликте.

Тематика публикаций в трех газетах (1904 г.) распределяется следующим образом:

- сообщения из жизни европейских стран и народов, мировая хроника — 221;
- новости из жизни российских губерний — 127;
- сообщения о ходе военных действий на Дальнем Востоке — 62;
- сообщения о мирной жизни и быте городов Дальнего Востока — 15;
- остальное — 75.

Несмотря на высокий интерес к военным действиям среди местного населения, материалов на эту тему на страницах дальневосточной прессы мало. Сообщения, освещающие ход военных действий, составляют всего 12% от всего потока информационных заметок, опубликованных в местных изданиях. Так, из 500 новостных публикаций лишь 62 сообщения так или иначе касаются военной темы. При этом в данном подсчете не учтены авторские статьи, в том числе перепечатки из центральных и военных изданий.

Большинство заметок в разделе «Хроника» и «Новости» информировали читателей о событиях из жизни европейских стран. Таких сообщений в подборке оказалось 221. Примечательно, что читатели Владивостока и Хабаровска, к примеру, о ситуации за рубежом были осведомлены куда лучше, чем о внутренней жизни страны. Ведь лишь 25% сообщений в дальневосточных СМИ касались новостей из российских губерний. Здесь чаще всего появлялись названия таких городов, как Чернигов, Новороссийск, Симбирск, Нижний Новгород, Казань, Санкт-Петербург и другие.

Необходимо обратить внимание и на лексику публицистических текстов в дальневосточной печати. Очевидно, что почти во всех газетных материалах того времени авторы широко используют выражающие неопределенность слова и словосочетания: «будто», «по слухам», «возможно», «вероятно», «по недостаточно ясному сообщению» и т. п.

«По слухам, всем служащим Уссурийской железной дороги, по случаю подорожания продуктов увеличивается содержание»².

«В городе циркулирует слух будто все державы сделали представление Японии о сохранении статус кво...»³.

«По обрывистому сообщению, японский флот после бомбардировки Порт-Артура куда-то ушел»⁴.

«Вероятно, в Токио были уверены, что после поражения у Мукдена русские не состоянии будут продолжать войну»⁵.

В газете «Никольск-уссурийский листок» даже появилась рубрика «по газетным домыслам».

Частое употребление слов такого типа свидетельствует о том, что публиковавшаяся информация была вторичной, неточной, неполной и зачастую не соответствующей действительности.

Это отмечали даже редакции газет. Так, редактор газеты «Амурский край», которая во время войны «стала влиятельным органом печати региона»⁶, Г.И. Клитчоглу пишет: «Ужасно обидно, что в столь тяжелый момент нет органа, который давал сколь-нибудь верные сведения о положении дел. Российское телеграфное агентство или перепечатывает с “Рейтера” или “Гаваса” и др. иностранных агентств или печатает пустословие своих собственных корреспондентов. Благодаря такому ненормальному положению вещей приходится довольствоваться сведениями иностранных агентств. Но к ним приходится относиться осторожно. На редакциях лежит нравственная обязанность разбираться в противоречивых известиях и помогать читателю выбирать наиболее достоверные из них»⁷.

Одним из ключевых направлений периодической печати Дальнего Востока с февраля 1904 г. стало формирование образа врага. Местное население довольно часто контактировало с японцами: в открытые порты заходили японские суда, города посещали азиатские предприниматели, торговые агенты. В исследовании А.А. Панова указано на то, что азиаты в начале XX в. составляли 30% населения дальневосточных городов и были привычными обитателями региона⁸. Зажиточное население часто принимало на работу жителей азиатских стран.

Уже перед началом войны столичные газеты начали целенаправленно формировать образ врага. Японская цивилизация изображалась как языческая и варварская, а потому чуждая и даже враждебная христианской, европейской культуре. По замечанию исследователя вопроса, историка Э.А. Воробьевой, «к началу конфликта в русском обществе создалось совершенно превратное представление о своем противнике, особенно о японской армии и флоте, которые изображены в духе лубочных картин»⁹. Автор отмечает, что в первые месяцы конфликта японцев называли «япошками», «желтолицыми обезьянами», «макаками», «узкоглазыми карликами» и т.п.¹⁰

Е.В. Степочкина, преподаватель Самарского государственного университета, делает вывод, что восприятие японцев русским обществом по понятным причинам за время конфликта значительно изменилось. Сразу после внезапного нападения на Порт-Артур жители островного государства на страницах газет и из уст общественных деятелей именовались не иначе как «желтолицыми», «япошками», «дикарями» и так далее. Е.В. Степочкина отмечает, что негативные штампы, во время войны многократно усиленные, находили отражение и в публично выражаемых, и в частных оценках в пренебрежительной и даже оскорбительной форме¹¹. Иногда стремление унижить врага принимало фантастические и абсурдные формы. Так, Е.В. Степочкина нашла в солидной литературно-политической газете XX в. «Русская мысль» заметку, в которой говорилось, что «японцы вообще служат дьяволу, агрессивны и бессмысленно жестоки, а в бой японцы могут ходить абсолютно голыми, поскольку преданность их принадлежит не отечеству, а микадо...»¹².

Аналогичные выводы о характере оценок японцев в публичных высказываниях делает Е.А. Гладкая: «Уничижительная оценка реального противника распространялась практически во всех газетах и социальных уровнях российского общества»¹³.

По утверждению канадского ученого Дэвида Схиммельпеннинка ван дер Ойе, блестящего специалиста по истории международных отношений начала XX в., во время русско-японской войны оскорбительные высказывания в адрес Японии могли звучать даже не в статьях далекой от театра войны провинциальной печати, а из уст высших государственных деятелей. В одном из своих исследований он пишет о том, как часто военный министр России А.Н. Куропаткин использовал уклончивые метафоры типа «желтый поток», «желтые волны», а уже в 1905 г. открыто говорит о «желтой опасности»¹⁴.

Именно под влиянием указанных обстоятельств у жителей России возникло сформированное периодической печатью устойчивое представление о «желтой угрозе» и воинственно настроенной «азиатской орде».

Подобное восприятие врага существовало во всех провинциях российской империи за исключением восточных окраин, то есть регионов, ближе всего находившихся к далекому островному государству. Анализ выступлений в дальневосточной печати показывает связь местного населения с жителями Восточной Азии, при этом тон редакционных статей вовсе не проникнут ненавистью. О восточных соседях газеты говорят в сдержанных интонациях, без ярко выраженной агрессии, хотя и осуждают внезапную военную активность японцев.

Показательным в этой связи является материал, опубликованный в первые дни войны в газете «Амурский край». «Среди нас осталось несколько японцев, которых многие будут считать нашими врагами. Но встретив их на улицах нашего города, не надо забывать, что здесь мы сильнее их, потому следует считать их неприкосновенными, помня, что нас много, их мало»¹⁵.

Быть толерантными к японским резидентам призывают многие авторы местной прессы. Например, военный губернатор Амурской области Д.В. Путята обращается через газету «Амурский край» к местному населению с просьбой быть лояльными к японцам, не допускать беспорядка и насильственных действий в отношении японских подданных. «Виновные в проявлении малейшего насилия над упомянутым иностранным населением будут привлекаться к ответственности по всей строгости закона»¹⁶.

Более 250 японцев, проживавших к тому времени в Благовещенске, были обеспечены охраной и «переселены ради их блага в особые дома» на месте бывшего китайского квартала.

Дальневосточные газеты с некоторым сочувствием пишут о японцах, оказавшихся на территории враждебной страны. «Никольск-уссурийский листок» сообщает, что «никольцы поражены неожиданным и одновременным бегством из города азиатов: лавочники побросали товар, мастеровые прихватили с собой лишь верхнее платье. Исчезли прачки-японки, и отдавшие им белье в большом горе, не зная, где и как его искать»¹⁷.

О скоропалительном отъезде японских подданных сообщают и газеты Владивостока. «Дальний Восток» от 31 января 1904 г. пишет: «*Мирная, трудолюбивая японская колония сделалась неузнаваемой. За бесценку продавались домашний скarb, имущество, накопленное долгими трудовыми годами. Рассудительные, спокойные японцы превратились в бессмысленную стихию, стадо. Многие стремятся на пароход, который унесет их в Японские воды. Владивосток лишился в уехавших японцах полезных ремесленников, столяров, плотников, слесарей, парикмахеров, домашней прислуги...*».

Одновременно на страницах газет появляются статьи, рассказывающие о повседневной жизни японцев. При этом, если и говорится об инаковости этих людей, то без агрессии, характерной для печати западных провинций. Ярким примером может служить статья в «Амурском крае» за 24 февраля 1904 г. Автор П. Надин сообщает читателям о том, что японцы любят открытую жизнь: «Как только японец просыпается, он открывает стены своего жилища и, не стесняясь, ведет обычную жизнь. Улицы в Японии — самое безопасное место для детей. Японец *жизнерадостен* и любит бывать в обществе, охотно посещает парки. Японец любит читать. Газеты в этой стране очень распространены и замечательны своей дешевизной».

В газете «Дальний Восток» 27 января 1904 г. опубликована статья «Японские дети», в которой в позитивном ключе автор рассказывает о *безупречном* воспитании малышей из этой страны. «Они родились на свет уже обученные всем правилам вежливости. При разговоре со взрослыми они опускают глаза и не задают неприличных вопросов. Девочки обращаются с куклами не как наши, они почитают их за святыни».

Журналисты «Дальнего Востока» к концу 1904 г. делают вывод, что до трагических событий начала XX в. русские ничего не знали о Японии, «не интересовались нашей желтолицей соседкой». В России тех, кто знает японский язык, всего несколько десятков человек. Всего в двух учебных заведениях империи преподают японский язык: Лазаревский институт восточных языков Москве и факультет восточных языков в Санкт-Петербурге. Но, по словам авторов статьи, «уровень знаний студентов очень низкий, и никто из них не может служить переводчиком на театре войны»¹⁸.

Также газета отмечает, что российское общество не может сформировать объективного представления о восточном враге, поскольку в нашей стране нет даже специальных книг о Японии. А из дешевой литературы, доступной для народа, можно назвать лишь книгу Е.И. Булгакова «Япония и Японцы», выпущенную в 1899 г.

Несмотря на то, что дальневосточная публицистика в начале войны с Японией почти не содержала оскорбительных высказываний в адрес противника, в целом печать негативно отзывалась о начале военных действий. При этом местная пресса для многих жителей региона была единственным источником информации, а потому популярность газет в этот период возрастает.

Доброволец русской армии Н.В. Воронович, который в 1920-х годах эмигрировал в США, вспоминает: «На каждой большой станции мы бросались к книжному киоску и покупали свежие газеты, впиваясь глазами в телеграммы главнокомандующего. Но из этих телеграмм трудно было выяснить тяжелое положение на фронте. В них говорилось об отдельных маловажных эпизодах: о геройском подвиге какой-нибудь охотничьей команды, о лихом отражении японской атаки на какую-то сопку или о пленении одного японского офицера»¹⁹.

С затягиванием военного конфликта, уже к середине 1904 г. дальневосточные журналисты включаются в свойственную для всех периодических изданий того времени идеологическую и пропагандистскую войну, а приметой времени, пишет исследователь сатирической печати Т.А. Филиппова, стало «характерное для русско-японской войны идейное, медийное, информационное соперничество противоборствующих сторон»²⁰. По ее словам, «журналисты с готовностью подхватывали любые известия с театров военных действий, внушавшие хоть какой-то оптимизм, и сразу же отражали их на страницах изданий, помещая в сугубо позитивный контекст»²¹.

Постепенно в печати и обществе образ врага меняется: Россия воюет не с «полудикими япошками», а с хорошо обученной, организованной армией. Такой же тон поддерживает и дальневосточная пресса. Газеты региона чаще выбирают для публикаций материалы, рассказывающие о первоначальной недооценке восточного соседа.

«Никольск-уссурийский листок», копируя статью немецкого журнала «Ost-Asien», указывает, что успешной Япония стала после введения конституционного строя. В Японии царит полная свобода вероисповедания. Имеются громадные успехи в области ухода за больными. Японская армия по числу равна английской, в будущем она может быть значительно увеличена. Военное образование поставлено очень хорошо.

Если в начальный период войны в газетных статьях можно встретить свидетельства о том, что обращение с российскими военнопленными было чрезмерно жестоким, то позже газеты писали о большей лояльности врага к противнику, попавшему в плен. В частности, «Амурский край» (1905. № 51) цитирует письмо солдата из крестьян, попавшего в плен. Он сообщает, что в Японии с пленными обращаются хорошо и что заморская страна ему нравится: «не уехал бы, говорит, оттуда».

Интересное замечание по поводу японского оружия находим в газете «Дальний Восток». Профессор медицины в поезде по пути на Дальний Восток рассказывал коррес-

понденту, что сейчас военные врачи делают меньше ампутаций. «Громадное значение имеет современное оружие. Самая гуманная пуля — японская. Она насквозь пробивает желудок, кишки, легкое и через две недели человек на ногах. Смертность же от наших ружий больше на 30 процентов».

Дальневосточные журналисты стремились поднять патриотический дух читателей и выбирали для публикаций материалы, восхваляющие силу русского оружия.

Исследовательница дальневосточной журналистики Л.М. Сквирская отмечает, что «демократические линии газет начали явно проявлять себя во время русско-японской войны»²². Особенно это высказывание применимо к местным газетам второй половины войны, когда в стране началось революционное движение.

Для многих жителей Дальнего Востока пресса была главным источником получения сведений о мировых и региональных событиях. При этом местное население, несмотря на то, что находилось в ближайшем тылу и больше других нуждалось в достоверной информации, таковой не имело. И в этом смысле приамурская периодика не отличалась от периодики других регионов. Сведения о военных действиях были скудными, официальными, зачастую неточными.

Иначе выглядела оценка врага на страницах местной печати. В начале конфликта газеты сдержанно высказывались о «противнике-соседе», называя при этом японцев «рассудительной, образованной и мирной нацией». Но после долгих неудач русского оружия на море и на суше дальневосточная печать включается в общероссийскую кампанию осуждения японской агрессии.

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 24. Оп. 1. Д. 4. Л. 4–5.
2. Дальний Восток. 1904. № 112.
3. Там же. 1904. № 2.
4. Амурский край. 1904. № 150.
5. Там же. 1904. № 60.
6. Ремизовский В.И. История печати на Дальнем Востоке: материалы для биограф. справ. // Редакторы газет Дальнего Востока. Хабаровск: Обществ. ин-т Дальнего Востока, 2012. С. 14.
7. Амурский край. 1904. № 22.
8. Панов А.А. Желтый вопрос в Приамурье: Истор.-статист. очерк. СПб., 1910. С. 66.
9. Воробьева Э.А. Русско-японская война 1904–1905 годов и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (по материалам ведущих местных периодических изданий): Автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. С. 14.
10. Там же.
11. Степочкина Е.В. Эволюция образа врага в провинции во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // Вестн. СамГУ. 2008. № 1. С. 64.
12. Там же. С. 65.
13. Гладкая Е.А. Русско-японская война в массовом сознании и общественной мысли русского общества в начале XX века. Автореф. дис...канд. истор. наук. Ставрополь, 2008. С. 17–18.
14. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое лит. обозрение. 2009. С. 144.
15. Амурский край. 1904. № 11.
16. Там же. 1904. № 12.
17. Никольск-уссурийский листок. 1904. № 14.
18. Дальний Восток. 1904. № 197.
19. Воронович Н.В. Русско-японская война: Воспоминания. Нью-Йорк: Изд. авт., 1952. С. 17.
20. Филиппова Т.А. «Враг с востока»: Образы и риторика вражды в русской сатирич. журналистике в начале XX в. / Предисл. В.И. Шеремета. М.: АИРО-XXI, 2012. С. 50.
21. Там же.
22. Сквирская Л.М. Первая политическая и литературная газета на Дальнем Востоке // Вопр. журналистики. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1970. Вып. 1. С. 25.